

реворота, совершенного во Франции, но и скептически относится к революционному методу преобразований вообще. И это не было приспособлением к официально принятому толкованию событий революции.

Французская революция, в его представлении, не выполнила ни одной из поставленных перед нею задач. Она стремилась осуществить принцип свободы, но в результате слова «равенство» и «свобода» превратилась в «жестокую насмешку над здравым смыслом людей». Она хотела ограничить самовластие короля, но установила еще более деспотическое правление. Кроме того, революционный метод преобразования общества слишком опасен, ибо грозит многочисленными и ненужными жертвами. А в итоге, «Франция после долговременного странствования возвратилась опять на то место, где была прежде, с той разницей, что королевская власть ограничивалась парламентами и собраниями, а воле консульской должно все покоряться в безмолвии».⁶

Таким образом, революция во Франции завершилась установлением новой деспотии. Нужен ли тот кровавый путь, по которому шло ее утверждение? Нет. Лучше, если преобразование общества будет осуществлено мирным путем, как в Англии 1688 г. Британия находилась в крайне бедственном состоянии, когда там совершилась «благотельная революция без всякого кровопролития». Англичане, по мнению Н. М. Карамзина, основали свободу гораздо благоразумнее и надежнее, чем французы. Факт мирного установления конституции в Англии в XVII в. особенно подчеркивается «Вестником Европы» как факт, достойный подражания самого мудрейшего правительства. Так в статье «О силе Англии» кровопролитной французской революции противопоставляется мудрая и мирная революция в Англии.

Анализ многочисленных статей «Вестника Европы», посвященных французским событиям, показывает, что политический итог революции — установление диктатуры Наполеона — занимает Н. М. Карамзина больше, чем ее социально-экономические результаты.

Такое понимание событий было свойственно не только Карамзину. Отрицательное отношение к французской революции, особенно якобинской диктатуре и наполеоновскому деспотизму, соответствовало почти всеобщему отрицательному отношению к французской революции в России в начале XIX в.

⁶ Несколько слов о новой французской конституции. Вестник Европы, 1802. ч. VI, № 21, стр. 52.